

Всё то же место, всё та же сцена. Линь Кэ уставился на поминальную табличку сестры, стоявшую прямо напротив кровати. Уму непостижимо, зачем её здесь оставили. Неужели Ли Тяньци настолько извращенец, что ему нравится трахаться под чьим-то надзором?

Или дело в том, что молодой господин Цзинь как две капли воды похож на покойную? И Ли Тяньци просто сделал из него эрзац-замену, живую куклу вместо мёртвой возлюбленной?

Классический сюжет с дублёром. Что ж, весьма в духе властных боссов из дешёвых романов.

— И в такой момент ты умудряешься витать в облаках? — Линь Кэ вздрогнул, когда Ли Тяньци крепко сжал его подбородок. На лице мужчины играла та самая порочная, надменная улыбка, какая бывает у каждого уважающего себя властного босса. — Какой же ты неугомонный. Стоило мне отлучиться, как ты уже решил продать меня кому-то другому?

Запястья Линь Кэ были намертво прижаты к подушке над головой. Не смея встретиться с Ли Тяньци взглядом, он отвернулся, но даже так кожей ощущал исходящую от мужчины тяжёлую, подавляющую силу. Он чувствовал себя беззащитной добычей, которую хищник уже подмял под себя, придавив когтями к земле. Дрожь против воли сотрясала всё тело.

Но даже содрогаясь от страха, Линь Кэ не забывал о главном — очки удовольствия сами себя не заработают.

— А кто мне запретил пить молочный чай? — выдавил он, стараясь придать голосу твёрдость.
— Сам виноват. Ищи проблемы в своём поведении, а не во мне!

— Ах, во мне? — хмыкнул Ли Тяньци. — Утром ты его не пил? А в обед?

Он медленно и дразняще скользнул пальцами вниз — от подбородка к воротнику рубашки. С каждым словом он расстёгивал по пуговице. И не успел Линь Кэ опомниться, как мужчина уже добрался до его брюк.

Линь Кэ предпринял чисто символическую попытку вырваться.

— То, что было раньше, не считается! И вообще, никто тебя не продавал. Я, между прочим, о твоём же благе заботился. Ты, старый пошляк, только и думаешь о всяких нежных, податливых мальчиках. А я натурал, мне твои игры даром не сдались. Я бы тебя всё равно не удовлетворил, так почему бы не подыскать замену получше?

— Старый? Пошляк? — переспросил Ли Тяньци, опасно прищурившись.

Прежде чем Линь Кэ успел втянуть голову в плечи, мужчина грубо сжал его щёки и накрыл его губы яростным, требовательным поцелуем.

Поцелуй вышел ураганным и безжалостным. Губы Линь Кэ мгновенно обожгло острой, пульсирующей болью — теперь точно распухнут, к гадалке не ходи.

Он отчаянно брыкался под тяжестью чужого тела, пытаясь высвободить ноги, и невнятно мычал, задыхаясь от нехватки воздуха.

Наконец Ли Тяньци оторвался от его губ. Навис над ним, разглядывая покрасневшее, разгорячённое лицо. На щеках Линь Кэ горел яркий румянец.

— Натурал? — с насмешкой спросил Ли Тяньци. — И давно у нас натуралы так сладко стонут, когда их целует мужчина?

— Ничего я не стонал! — буркнул Линь Кэ, вспыхнув ещё сильнее. Признать поражение он не собирался. — Настоящий мужик всегда должен держать стойку! Во всех смыслах и в любых обстоятельствах! Что, завидно?

В следующую же секунду его взгляд упал ниже, на их... достоинства. И спесь с него как ветром сдуло. Разница между ними была как между грозным исполином и неокрепшим младенцем. Слова застряли у Линь Кэ в горле.

"Ничего, — мысленно утешил себя Линь Кэ. — Для изящного пассива я ещё очень даже ничего. Почти гигант"

Едва он закончил сеанс самовнушения, как Ли Тяньци снова подмял его под себя. Линь Кэ не следил за часами, но внутренний навигатор подсказывал: этот марафон затянулся никак не меньше чем на десять часов.

"Да откуда у этого монстра столько сил? Неужели всё дело в читерском статусе главного героя?!"

Весь следующий день Линь Кэ провалялся на животе, чувствуя себя выжатым как лимон. А этот кобель, как ни в чём не бывало, укатил на работу — бодрый, свежий и полный сил.

— Система, ну что там? Очки удовольствия выросли? — хрипло спросил Линь Кэ в пустоту.

[Уведомление Системы]

[Показатель очков удовольствия увеличился]

[Текущий уровень: 92]

— Девяносто два?! — Линь Кэ чуть не взвыл, растирая затёкшую поясницу. — Всего девяносто два? Почему в первый раз шкала подскочила сразу на семьдесят пунктов, а сейчас еле ползёт? У него что, пунктик на первом разе? Вот же козёл! Он просто издевается надо мной, чтобы я подольше не мог вернуться домой!

"А по-моему, ты и сам неплохо провёл время", — ехидно отозвалась Система прямо в его голове.

— Да ничего подобного! — Линь Кэ со стоном перевернулся на бок и подложил под ноющую поясницу подушку. — В жизни всё вообще не так! Я читал, что в реальности после бурной ночи без сил валяется актив, а пассив наутро так и пышет здоровьем. А этот? Пользуется тем, что он главный герой с бесконечной выносливостью! Вот увидишь, с такими темпами его даже сюжетная броня не спасёт. Заработает себе половое бессилие к тридцати годам, помани моё слово!

В этот момент в коридоре тихо скрипнула дверь. Линь Кэ в ужасе зажмурился и натянул одеяло до самого носа.

"Пожалуйста, только не снова! Я же умру прямо здесь!"

— Это я, — раздался нежный, вкрадчивый голос.

В спальню скользнул Лю Пэй — тот самый король женских нарядов. В руках он бережно держал стакан со свежеприготовленным молочным чаем.

— Я сам его приготовил. Держи, тебе нужно восстановить силы.

Он присел на корточки у изголовья кровати и виновато вздохнул:

— Всё из-за меня... Если бы я не ввязался во всё это, ты бы сейчас так не страдал.

Видя, что гость вот-вот разрыдается, Линь Кэ решил взять ситуацию в свои руки. В нём тут же проснулся великий драматический актёр. Картинно, точь-в-точь как умирающая императрица в исторических дорамах, он слабо сжал ладонь Лю Пэя и заговорил утешающим голосом:

— Сестрица... Чувствую, не сносить мне головы, не выдюжить... Отныне поручаю Его Величество твоим заботам. Но молю, не забывай обо мне. Когда будешь поминать мою грешную душу, не забудь отправить мне на тот свет стаканчик молочного чая и порцию жареной курочки. И заклинаю тебя... пусть к курочке обязательно положат медово-горчичный соус...